

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Н.Л. Полякова, докт. социол. наук, проф. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ И СТРУКТУРА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

N.L. Polyakova

METHODOLOGICAL PLURALISM AND STRUCTURE OF SOCIOLOGICAL THEORY

В статье средствами историко-социологического анализа указываются различия между теоретической и эмпирической социологией. В теоретической социологии есть несколько базисных традиций. Исследование конкурирующих теоретических и методологических принципов, осуществленное в статье, позволяет установить некоторые фундаментальные свойства социологической теории в целом.

Ключевые слова: теоретическая социология, социологическая теория, методологический плюрализм, методологический холизм, методологический индивидуализм, понимающая социология, структура теорий.

In the paper the historical-sociological analysis is used as a means to show the differences between theoretical and empirical sociology. There exist several, basic traditions in theoretical sociology. The investigation of their competing theoretical and methodological principles carried out in the paper; identify some fundamental features of sociological theory as a whole.

Key words: theoretical sociology, sociological theory, methodological pluralism, verstehen soziologie, methodological holism, methodological individualism, positivism, theory structure.

В социологической мысли есть две фундаментальные позиции относительно структуры социологического знания: теоретическая социология, с одной стороны, и эмпирическая социология — с другой. По поводу соотношения эмпирической и теоретической социологии, как правило, высказывались два мнения. Согласно одному из них, с которым ранее всегда было согласно большинство социологов, социологическое знание должно стремиться к единству своих составляющих, и любая из них должна вносить свой вклад в развитие и трансформацию другой. Согласно второму

* Полякова Наталья Львовна, e-mail: vestnik@socio.msu.ru

мнению (и оно не так редко встречается), эмпирическая и теоретическая социология — два фундаментальных направления развития социологического знания, которые могут взаимодействовать, обогащать друг друга, пересекаться в творчестве тех или иных исследователей, однако само по себе их развитие осуществляется с опорой на собственные ресурсы и собственную историю.

Однако в настоящее время для большинства социологов становится очевидно, что отношение между эмпирической и теоретической социологией, которое всегда было далеко от идеала, прокламируемого сторонниками их продуктивного и необходимого взаимодействия, становится все более и более взаимно индифферентным, разрыв расширяется, а сами социологи делятся на “теоретиков” и “эмпириков”. Современная социологическая теория во всех своих направлениях и версиях все меньше и меньше базируется на эмпирических исследованиях. Та же самая односторонность характерна и для эмпирической социологии. Большинство эмпирических исследований диктуется злободневными политическими и социальными проблемами, но не социологической теорией. В итоге, полученные в этих исследованиях результаты оказывают (если вообще оказывают) минимальное влияние на развитие социологической теории.

Тем не менее социологическая теория развивается, развивается быстро, интенсивно и в самых различных направлениях, порождая многообразие позиций. Задача заключается в том, чтобы ответить на вопрос, каковы истоки роста и трансформации современной теоретической социологии. Как определить механизм влияния на нее внешнего мира? Как влияет внутренняя история социологической теории, ее проблем и предлагавшихся решений?

Совершенно очевидно, что для того, чтобы теория была восприимчива и к внешней истории, и к своей внутренней истории, она должна обладать соответствующей организацией, порядком или структурой, функционально ориентированными на соответствующую перцепцию. Выявление такой структуры позволит понять, как осуществляется постоянное обновление и трансформация социологической теории с опорой на свои собственные возможности.

В истории социологии можно вычленить несколько трансформационных узлов, которые были связаны с радикальными изменениями в рамках социологической теории.

Первым таким узлом можно считать само оформление социологии, вычленение ее из социальной и политической философии на базе созданной А. Сен-Симоном и О. Контом философской теории позитивизма. Именно позитивизм стал первичной базой социологического знания, предложив ему обоснование как науки

об обществе, разработав соответствующую систему представлений о природе социальной реальности и о методе познания этой реальности.

Уже здесь мы можем зафиксировать сложно структурированную организацию теории: ее базу составляют философско-мировоззренческие положения о природе социальной реальности, на основе которых формулируются главные методологические принципы построения теории.

Философский позитивизм предложил рассматривать социальную реальность по аналогии с природной реальностью, подчиняющейся каузальной закономерности, что необходимо предопределило методологию социологического исследования как “позитивного метода”, ориентированного на выявление естественных закономерностей, т.е. “постоянных отношений, существующих между наблюдаемыми явлениями. О чем бы ни шла речь... о столкновении или тяготении, или о мышлении и нравственности, — мы можем действительно знать только различные взаимные связи, свойственные их проявлению, не будучи никогда в состоянии проникнуть в тайну их образования”¹.

Именно эти философско-методологические постулаты породили метафорику общества как организма, оформили организм и эволюционизм, заложили основания всего функционализма в истории социологии.

Чрезвычайно важным моментом, обрамляющим социологическую теорию, является видение места и роли социологии в системе социологического знания и в обществе в целом. Разработка этого момента присутствует уже в позитивистском проекте социологии О. Конта. Социология должна быть не только теоретическим, но и практическим знанием. Это зафиксировано в знаменитом контовском выражении: “Savoir pour prévoir, prévoir pour pouvoir” — “знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы мочь”.

Вторым трансформационным “узлом” в истории социологии следует считать оформление понимающей социологии М. Вебера и появление принципа методологического индивидуализма Г. Зиммеля. Как и позитивистский проект социологии О. Конта, понимающая социология оказалась укорененной в философии.

Свое видение социологии и ее отличия (а не принципиального сходства как у О. Конта или Г. Спенсера) от других наук Зиммель формулирует уже в работе “Социальная дифференциация”. Он считает, что социология является *поздней* наукой, становление которой приходится на конец XIX в., и поэтому она должна форми-

¹ *Конт О.* Дух позитивной философии. Ростов-н/Д., 2009. С. 74.

роваться осознанным образом. Это означает, что решение методологических проблем должно предшествовать решению всех других проблем, в том числе построению любых социологических теорий.

Социология, согласно Зиммелю, строится рациональным образом на основе предварительного проекта, включающего теорию метода и четкое вычленение объекта и задач исследования. Опираясь на методологическую рефлексию, социология должна начать с построения *новой теории общества*. Именно в построении новой теории общества Зиммель видит главную задачу социологии и рассматривает теорию общества как центральный момент любой общей социологической теории.

При этом следует подчеркнуть, что Зиммель начинает с методологического представления об обществе как о *“целом социальной жизни”*, включающем в себя все и любые конкретные проявления исторической жизни как *“целого общества”*. Представление об обществе как об исходной методологической точке позволяет Зиммелю зафиксировать специфические черты социологического знания. Прежде всего речь идет о том, что определение объекта социологии как *“целого социальной жизни”* ставит ее по своей сложности в один ряд с метафизикой, изучающей целое мира, и психологией, исследующей целое психической жизни. Эти теоретические образования отличаются одной специфической чертой, которая выражается в том, что совершенно противоположные утверждения обнаруживают в них свою равную вероятность и доказуемость. Здесь отсутствует однозначность, свойственная утверждениям естественных наук, всегда есть возможность противопоставить каждому наблюдению или предположению противоположное ему мнение или соображение. Причина этого коренится в неоднозначности объектов анализа социологии, метафизики и психологии, полноте и разнообразии частных моментов, которые не поддаются разложению на части и элементарные силы. Все *“формы”* социального взаимодействия имеют бесчисленные варианты исторического воплощения, результатом чего становится невозможность установить и выявить причинную связь явлений, *“законы”* явлений в естественнонаучном смысле слова.

Своеобразный характер социального материала, не поддающийся никаким точным расчетам, не позволяет говорить о законах социального развития. Социология, также как психология и метафизика, не дают точного знания, но дают понимание. При этом саму процедуру понимания Зиммель трактует в духе философии жизни как понимание интересов, мотивов, целей и ценностных ориентаций индивидов, определяемых культурой в широком смысле слова. Понимание позволяет ориентироваться в явлениях, и создает нужные

для этого понятия. Постоянное уточнение, разложение и новое сочленение этих понятий на иных основаниях создают возможность все большего и большего приближения к истине.

Таким образом, социология является поздней наукой, создаваемой осознанным образом в конце XIX в. Она является наукой, в которой не применимы методы естественно-научного исследования, т.е. она не может быть позитивистским проектом.

М. Вебер в рамках своего методологического подхода практически по всем пунктам воспроизводит программу Зиммеля. Это касается и его понимания природы социальной реальности, и методов ее познания, и, соответственно, его отношения к позитивистскому проекту социологии.

Для Вебера сфера социальной реальности — это сфера смыслов и ценностей. Социология как эмпирическая наука не является поэтому позитивной наукой такой, как физика, химия и биология. *Социология — это одна из наук о культуре*, она имеет дело со смыслами, значениями и ценностями, а не с природными объектами. “Культура, — пишет Вебер, — есть тот конечный фрагмент лишенной смысла мировой бесконечности, который, с точки зрения человека, обладает смыслом и значением”². Вебер формулирует трансцендентальную предпосылку всех наук о культуре. Она состоит в понимании того, что мы являемся людьми культуры и обладаем способностью и волей, которые позволяют нам сознательно занять определенную позицию по отношению к миру и придать ему смысл. Каким бы этот смысл ни был, он становится основой наших суждений о различных явлениях совместного существования людей и заставляет нас относиться к ним как к чему-то обладающему значением.

Формулируя трансцендентальную предпосылку наук о культуре, Вебер тем самым определяет, во-первых, природу социальной реальности как сферы смыслов и осмысленного человеческого поведения, и, во-вторых, методологию социального познания, базирующегося на методе понимания. Позитивной разработке этих проблем Вебер предпосылает критику предшествующей социологической традиции.

Прежде всего, Вебер подвергает критике точку зрения “натуралистического монизма”, как он называет методологическую позицию естественнонаучного познания и предшествующей социологии, принявшей эту позицию. Для натуралистического монизма существенным в явлениях может быть только “закономерное”, т.е. общее, а “индивидуальное”, частное может быть принято во вни-

² Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 379.

мание только в качестве иллюстраций к закону, т.е. только в качестве типа. Познание в рамках натурализма ориентировано на установление закономерных связей, к постижению и выявлению которых можно прийти посредством объективного (свободного от ценностей) и рационального (свободного от случайностей) метода. Этот метод обеспечивает монистическую картину действительности в виде некоей “системы понятий, метафизической по своей значимости и математической форме”³. Эта позиция, как подчеркивает Вебер, характеризует естественные науки со времен древних греков.

Натуралистический предрассудок весь XIX в. господствовал и в науках о культуре. “Приверженцы” этого предрассудка в науках о культуре исходят из того, что мы постоянно переживаем связи человеческих действий в их *непосредственной реальности* и поэтому можем, как они полагают, прояснить на их основе “законы”. Формулирование *непосредственно очевидных законов* есть единственная, по их мнению, форма познания. Поэтому построение системы абстрактных понятий, а потому чисто формальных положений, аналогичных тем, которые существуют в естественных науках, — якобы, единственное средство духовного господства над многообразием общественной жизни. Вебер категорическим образом отвергает этот подход. Он считает абсолютно бессмысленным идею, будто целью, пусть даже отдаленной, наук о культуре должно быть создание замкнутой системы понятий, в которой действительность можно будет представить в некоем окончательном членении, и из которой она затем опять может быть дедуцирована. Это невозможно в силу смысловой и исторической природы культурной действительности.

Социологию интересует качественная окраска событий. Кроме того речь в ней идет о роли духовных процессов, “понять” которые в сопереживании — совсем иная задача, чем та, которую решают естественные науки с помощью точных формул. Вебер считает, что интересующее объяснения по сравнению с объяснением, основанным на наблюдении, отличается большей гипотетичностью и фрагментированностью полученных посредством “понимания” выводов, но, тем не менее, именно оно является специфическим методом социологического познания.

Проект социологии как понимающей науки, созданный Г. Зиммелем и М. Вебером, таким образом, радикально отличается от позитивистского проекта социологии О. Конта, но в основе каждого из этих проектов лежат укорененные в философии представ-

³ Там же. С. 384.

ления о природе социальной реальности и о методе ее познания. Эти два проекта социологии как науки заложили основания двух фундаментальных ветвей развития социологии — структурно-функционалистской и понимающей, или герменевтической социологии. Часто можно встретить их наименование как “методологический холизм” и “методологический индивидуализм” соответственно. Внутри каждого из этих направлений социологии как науки стали оформляться различные социологические теории, различающиеся между собой некими постулатами, определившими их специфику и многообразие.

Социология первых двух третей XX в. демонстрирует “карнавал” таких теорий. Это различного рода функционалистские, структуралистские, структурно-функционалистские теории, с одной стороны, и интеракционистские, феноменологические, этнометодологические теории, теории обмена и т.п. — с другой.

Такое развитие социологии в XX в. указывает на еще одну очень важную характеристику социологической теории помимо ее очевидной связи с философией. Кроме глубинного, собственно философского, уровня каждая социологическая теория содержит уровень собственно социологических, частных или доменных предпосылок. Обсуждение вопроса о доменных предпосылках, возникшее в связи с наблюдаемым в социологии наличием множества конкурирующих социологических теорий, можно рассматривать как третий трансформационный узел, оказавший серьезное влияние на разработку проблем структуры социологической теории. Обсуждение этого вопроса проходило в рамках дискуссии о кризисе социологии, проходившей в американской социологии в 1970–1980-е гг.

Теория доменных предпосылок была разработана в начале 1970-х гг. Олвином Гоулднером, который подчеркивал, что для того, чтобы понять характер академической социологии необходимо осмыслить неявные базовые предпосылки, которыми она пользуется. Разработанная социальная теория является отчасти продуктом неявных доменных предпосылок теоретика и развивается во взаимодействии с ними. “Сущность доменных предпосылок состоит в том, что они являются интеллектуально продуктивными, то есть определяют теорию не потому, что основываются на свидетельствах, и даже не потому, что они доказуемы; социальный домен, определенный как реальный, является реальным в силу его значения для построения теории”⁴.

При установлении доменных предпосылок существует опасность того, что их захотят скрыть в случае, если в их пользу нельзя

⁴ Гоулднер О. Наступающий кризис западной социологии. СПб., 2003. С. 61.

привести рациональной аргументации. Непреодолимым искушением является желание представить доменные предпосылки так, будто они являются эмпирически подтвержденными фактами.

Доменные предпосылки являются частью целостной субтеоретической матрицы, на которой основывается теория. И одной из причин этого, как считает Гоулднер, является то, что они образуют “центры сосредоточения для чувств, аффективных состояний и настроений”⁵. В одном случае теория, опираясь на соответствующие доменные предпосылки, может иметь эффект, поддерживающий целостность, интегрирующий эффект, а в другом случае она может иметь эффект, порождающий противоречия и конфликты. Каждый из них имеет различные последствия для способности индивида действовать, для направления действия, для разных линий поведения в политике. “Таким образом, именно благодаря соответствию настроению, а также благодаря доменным предпосылкам социальная теория приобретает политическое значение и политические последствия совершенно независимо от того, имели ли их в виду намеренно или осознали их как те, кто создавал теорию, так и те, кто воспринимал ее”⁶. Подводя итог своим размышлениям о доменных предпосылках, Гоулднер пишет: “Социология основывается на доменных предпосылках, которые находят отражение не только в своих основных методологических понятиях о том, в чем состоит ее предмет и чем характеризуются изучаемые ею отдельные домены”⁷.

Из этого, на наш взгляд, следует, что доменные предпосылки связаны с интерпретацией и определением общества в качестве главного и целостного объекта социологии и его главных и специфических компонентов. С этим следует согласиться, и только это в конце концов объясняет факт существования множества различных теорий, созданных в рамках фундаментальных традиций социологической мысли, восходящих соответственно к позитивистскому проекту или к проекту понимающей социологии.

Доменные предпосылки формируют базовые представления об обществе, его базовых процессах и составляющих, и, как это демонстрирует теория социологии, эти предпосылки всегда носят личностно-смысловой и ценностно нагруженный характер.

Социологи или группы социологов обязательно, еще до начала построения теории осознанно или неосознанно, на периферии теоретического сознания, обладают представлениями и интерпрета-

⁵ Там же. С. 64.

⁶ Там же. С. 67.

⁷ Там же. С. 78.

циями общества, которые составляют совокупность доменных предпосылок. В зависимости от исторической и психологической компетенции, от мировоззренческого и политического выбора, от социальных чувств и настроений социологи рассматривают и интерпретируют общество как конфликтное или солидаристское образование, как укорененное в трудовой, политической или морально-религиозной почве, как образование, структурированное и системное или хаотическое и открытое, как определяемое социальной целостностью или как складывающееся на основе микро-интеракций и коммуникаций и т.д.

Также базовые доменные предпосылки можно выделить всегда. В марксизме, например, такими доменными предпосылками будут укорененность общественных отношений в трудовой (производственной) сфере и теория классового конфликта, а в структурно-функциональном анализе Т. Парсонса — базовые функциональные постулаты: постулат функционального единства общества, постулат универсального функционализма, постулат обязательности. Такие доменные постулаты можно вычленить в любой сколько-нибудь серьезной теории. Эти различные доменные предпосылки и порождают множество социологических теорий, подобно множеству семантических полей или языков.

Когда в 60-х гг. XX в. в качестве альтернативы парсонсианству стали фигурировать теория конфликта Дж. Рекса (“Основные проблемы социологической теории”, 1961), Р. Дарендорфа (“Класс и классовый конфликт в индустриальном обществе”, 1959) и Л. Козера (“Функции социального конфликта”, 1956), с одной стороны, и микросоциологические подходы А. Шутца, Дж. Хоманса, Г. Блумера, И. Гоффмана и Г. Гарфинкеля, с другой стороны, социологи в связи с озадачивающим множеством теорий заговорили о кризисе в социологии.

Этот кризис имел множество интерпретаций, но суть его оставалась одна — множество различных, расходящихся и даже несопоставимых социологических теорий в рамках одной дисциплины и одного научного общества.

О. Гоулднер описал кризис в социологии, связав его с необходимой сменой доменных предпосылок, обусловленной исторически и социально. В определенный момент “старые неявные базовые предпосылки оказываются действующими в новых условиях, не соответствующих им в научном или социальном отношении, что создает для теоретика дискомфорт. Тогда они превращаются в препятствие, которое ограничивает или сдерживает дальнейшее развитие теории. Если это происходит, то незначительных технических уточнений мало, а, скорее, предстоит фундаментальная

интеллектуальная перестройка. К тому же может вырасти новое поколение с новыми неявными базовыми предпосылками, несозвучными и не близкими по духу теориям, основывающимся на старых предпосылках, которые новое поколение считает ошибочными и абсурдными. Тогда мы можем сказать, что теория, или опирающаяся на нее дисциплина, приближается к кризису”⁸.

Анализируя тезис О. Гоулднера, Роберт Мертон назвал этот кризис “кризисом изобилия” и отнес его не к 1970-м гг., когда об этом объявил О. Гоулднер, и даже не к 1960-м. Этот кризис был осознан очень рано: еще в 1956 г. Дж. Гурвич написал о “кризисе социологического объяснения”, а Питирим Сорокин в том же 1956 г. предложил свою версию кризиса в “Фантазиях и недостатках современной социологии”.

Кризис 1960–1970-х гг. — это кризис, проистекающий как в результате изобилия проблем, стоящих перед обществом, так и в результате изобилия возникающих социологических теорий. Аспекты социологии, как пишет Мертон, которые берутся, чтобы показать признаки и симптомы кризиса, относятся к известному типу — это изменения и расхождения доктрин, сопровождаемые углублением напряжения, а иногда и конфликтами среди профессионалов. Противоречия приводят к утверждению, что существующие парадигмы не способны разрешить те проблемы, которые в принципе должны быть разрешены. Именно исходя из этого можно описать социологию как науку, находящуюся в хроническом кризисе, периодически прерываемом удивительно короткими периодами относительного затишья. Периодическое чувство кризиса возникает в моменты, когда социологи особенно четко осознают уже бросающуюся в глаза неадекватность познавательных и практических представлений, типичных при завышенных ожиданиях к дальнейшему развитию.

“Социальные и познавательные процессы внутри коллектива социологов взаимодействуют с развитием окружающего общества и ведут к непостоянству в оценке положения дел. Когда исторические требования объединяются как в познавательной, так и в социальной областях, как это было в конце 1960-х гг., они создают острое чувство кризиса вместо хронического чувства принятия или даже согласия относительно адекватности теорий и социологических парадигм. Такие исторические периоды превращают хронические социологические болезни в острую социологическую боль. Вот тогда наблюдающие доктора склоны ставить диагноз,

⁸ Там же. С. 60.

что социология находится в глубоком кризисе”, — подводит итог Мертон⁹.

Мертон считает, что определение событий 1960–1970-х гг. как “кризиса” является неправомерной метафорой, использование которой навечно не только “сменой поколений” в американской социологии и выходом на социологическую сцену молодых радикалов, но и развитием инициированной К. Поппером философии науки, теории И. Лакатоса, С. Тулмина, появлением теории “методологического анархизма” К. Поланьи, теории истории науки как смены парадигм Т. Куна. Однако социология отличается от естественных наук, и поэтому “парадигмальный” подход к социологии, тезис о том, что ее единство и “нормальность” (в том смысле, какой вкладывает в это понятие Т. Кун) обеспечиваются чем-то схожим с парадигмой, является неприемлемым: “в социологии нет парадигмы, и социологи часто критикуют подходы друг друга. Согласно существует только относительно того, что научные методы уместны в социологии, а связующим социологов моментом является разделяемая ими всеми научная мораль и этика”¹⁰.

Мертон указывает, что кризис 1960–1970-х гг. породил интерес к “логическим основам социологии”, но часто предлагаемый рецепт — предписание единственной теоретической перспективы, которая обещает обеспечить полный и единственный подход к получению социологической истины, — представляемый как панацея от того, что составляет глубокий кризис, ведет только к дальнейшему застою.

Он вообще считает необходимым отказаться от чрезмерного использования “медицинской метафоры кризиса”, которая используется как фигура речи для выражения недовольства положением дел в той или иной отрасли науки. Метафоры нельзя принимать буквально, поскольку мало какие из них являются эвристическими аналогиями. Термин “кризис” остается туманной метафорой и может использоваться только в широком переносном смысле.

Идея унифицированной современной теории в социологии абсурдна. Принятое всерьез как руководство для всех исследовательских программ требование прекратить теоретические прения в социологии является только требованием “теоретических монистов”, исследование которых ведет к растрате громадных усилий и потере иллюзий. “Хронический кризис” социологии с его разнообразием, состязательностью и столкновением теорий кажется предпочтительней. Что касается позиции самого Мертона, то он

⁹ *Merton R. Structural analysis in sociology // Approaches to the Study of Social Structure. N.Y., P. 24.*

¹⁰ *Ibid. P. 27.*

в этой борьбе мнений и теорий занимает позицию социологического структурализма.

Еще одно прочтение кризиса было предложено Питером Бергером и Хансом Фредом Келлером в 1981 г.

Психологически ощущение кризиса они выразили следующим образом: “Еще в 1950-е гг. и даже в начале 1960-х социологи воспринимали себя как членов новой и восходящей профессии, а внешние и внутренние критики обвиняли социологию в инфантилизме в связи с состоянием ее теории или методов, в связи с их представлениями о месте дисциплины в системе наук. Однако уже в начале 1980-х социологи тратят огромные усилия на то, чтобы убедить друг друга в благополучном состоянии их профессии, подобно обитателям дома престарелых, которые взаимно поздравляют друг друга с тем, что они вообще еще есть”¹¹. Однако несмотря на это, “всякие заявления о состоянии кризиса социологии нужно встречать скептически”¹² и в этом тезисе Бергер и Келлер практически воспроизводят позицию Мертона.

Вместе с тем для Бергера и Келлера социология является специфическим явлением модерна, она — дитя Просвещения, и в то же время как особая форма рационального сознания модерна является значимым аспектом процесса модернизации. Она — и явление модерна, и модернизирующая сила. Социология не является идеологией Просвещения и прогресса, не проповедует ценности модерна. Она — наука, и модерн представляется в ней как любое другое явление.

Наблюдаемый кризис модерна ведет к дезинтегративным последствиям для общества, и как модернизирующая сила социология внесла в этот процесс свой вклад. Он связан с принципом “свободы от ценностей”, научной объективностью, которым следовала социология.

Объективное отстранение, свобода от ценностей, заключение в скобки — когда все это применяется к исследованию норм, нормы трансформируются. Когда эти трансформированные нормы в качестве научных данных из социологической науки попадают в повседневную жизнь, то “из когнитивных понятий они трансформируются в факторы, ведущие к нормативной дезинтеграции”¹³. Этот процесс Бергер и Келлер называют процессом “сциентизации” социальной жизни, ответственность за которую несет социология, а ее кризис означает и кризис социологии.

¹¹ *Berger P., Keller H. Sociology reinterpreted. N.Y., 1981. P. 1.*

¹² *Ibid. P. 146.*

¹³ *Ibid. P. 163.*

Социология, бесконтрольно вбрасывающая свои идеи в общество опасна. Базовое заблуждение заключается в неумении установить жесткие барьеры между наукой и жизнью. При популяризации социологии происходит изменение, заключающееся в превращении метода анализа в метод легитимации, она сама становится легитимирующей или, что чаще происходит, делегитимирующей силой. В силу присущих ей ограничений социология не в состоянии действительно что-либо легитимизировать, считают Бергер и Келлер, но она может эффективно делегитимизировать. Таким образом, социология способствует “утрате иллюзий, аномии и моральной дезинтеграции модернового общества”¹⁴. Это очень серьезный вопрос, и социологи не вправе отмахнуться от него.

Кроме того социология в чистой своей функции способствует социальной дифференциации в обществе и конфликтам. Она во многом совпадает с определенным классом, “познающим классом”. Речь идет о той социальной группе, которая обеспечивает свое существование посредством производства и распределения символического знания. А поскольку этот класс ведет борьбу в различных формах с другими классами, то и социология оказывается втянутой в такой классовый конфликт. Само по себе это отклонение для профессии, связанной с научным познанием. Это неблагоприятно для дисциплины, претендующей на объективное научное познание, и само по себе является свидетельством кризиса социологии как науки.

Бергер и Келлер увязывают “кризис социологии” с социальными, политическими и этическими вопросами ее функционирования, но, в отличие от Мертона, указывают не на морально-этическое единство и общий для социологов кодекс поведения, а сводят проблему к методу социологии.

Они считают, что частью профессиональной ответственности социологов должно стать принятие мер предосторожности по отношению к злоупотреблениям результатами и интерпретациями социологического знания. Условиями реализации такой ответственности является ясность в методологических вопросах и определенность в проблемном поле исследовательской деятельности.

Двумя ключевыми явлениями модерна являются индивидуальная автономия и политическая свобода и как нормативные идеалы, и как во многом уже реализованные проекты. И то и другое продолжает оставаться сферой социологического анализа и указывает на необходимое взаимодействие социологии с историей и психологией. Именно взаимодействие с психологией в настоящее время

¹⁴ Ibid. P. 164.

ориентирует социологию на исследование проблем современной идентичности, ее множественность и “развитие нового теоретического подхода, который можно назвать социологической психологией”¹⁵. Важным является также широкое взаимодействие социологии с другими дисциплинами, включая биологию человека, философскую антропологию, исследования социально-психологической динамики, культурного плюрализма как внутри обществ, так и между обществами. Исследование должно касаться социального контекста политических свобод, специфических культурных и экономических институтов, ценностей справедливости, равенства и их трансформации в современном мире. Социология должна также продолжать сохранять свою критическую функцию в деле анализа всех проектов планируемого изменения, методов планирования или революции.

Эта позиция Бергера и Келлера фактически означает корректировку доменных предпосылок социологии, создание новой программы для социологии. И эта новая программа означает и будет означать построение новых теорий с новыми ответами на новые вопросы социального развития, и в этом плане ситуация в социологии не изменится: в ней всегда будет много теорий, укорененных в разных философских интерпретациях социальной, исторической, психологической реальностей, и, соответственно, методах, и опирающихся на различные доменные предпосылки.

В силу сказанного можно признать правоту позиции Мертон, говорившего о наличии “хронического кризиса в социологии”, состояния, которое, как он охарактеризовал его в конце 1970-х гг., является «“нормальным” для социологии. Можно утверждать... что социология находится в кризисе на протяжении всей своей истории»¹⁶.

Поскольку моментами “кризиса социологии” 1960–1970-х гг. были критика и обсуждение структурно-функционального анализа Парсонса, то неудивительно, что именно его последователи и сторонники сыграли главную роль в защите самого структурно-функционального подхода и в разработке проблем структуры социологической теории.

В 1987 г. один из ведущих американских теоретиков постпарсонсианского направления выпустил монографию “Социологическая теория после 1945 г.”, в которой большое внимание уделяется проблемам парсонсианства, анализируется критика теории Парсонса, а также сама социологическая теория. Работа начинается

¹⁵ Ibid. P. 170.

¹⁶ Merton R. Op. cit. P. 21.

с вопроса “Что такое теория?” и посвящена методологическим вопросам, связанным с построением “общей теории”.

Согласно Джеффри Александеру, “реальный мир” накладывает жесткие ограничения на теоретизирование, но теоретическое рассуждение обладает определенной автономией по отношению к этому миру. «Теории порождаются нефактуальными или не эмпирическими процессами, предшествующими научному контакту с миром в такой же мере, как и структурой этого “реального мира”»¹⁷. К нефактуальным и неэмпирическим процессам, определяющим процесс создания теории, относятся такие явления, как “интеллектуальная социализация” и “гипотетическое воображение” ученого. В процессе конструирования научных теорий эти явления модифицируются под воздействием реального мира, но до конца не устраняются. Поэтому следует говорить о “двустороннем отношении” между теориями и фактами.

Неэмпирическую часть науки следует считать ее “априорным элементом”. Носителем этого элемента выступают теоретические социологические традиции. “Социология является эмпирической социальной наукой, связанной со строгим тестированием, с фактами, с дисциплиной доказательств и фальсификации. При всем этом эти виды научной деятельности разворачиваются в рамках традиций, считающихся чем-то само собой разумеющимся, не подлежащих строго эмпирической оценке”¹⁸. Эти научные традиции образуются “базисными компонентами” социальной науки. Современные теоретические дискуссии обсуждают именно эти базисные компоненты, указывает Александер.

Представители различных традиций в социальной теории утверждают тот или иной базисный компонент в качестве основополагающего. Некоторые, например, считают, что содержание теории определяется политическими верованиями ученого. Социологию в таком случае выстраивают как формирующуюся на основе консервативных, либеральных и радикальных традиций. Помимо идеологического, в качестве основополагающего элемента социальной теории можно рассматривать модель конфликтной или солидаристской природы общества.

Эти теоретические позиции являются редукционистскими, по мнению Александера, поскольку ни один из указанных элементов, уровней социальной теории не обладает той решающей силой, которой его наделяют. Указанные позиции не учитывают наиболее общий, неэмпирический уровень, который Александер называет

¹⁷ *Alexander Y. Sociological theory since 1945. L., 1987. P. 6.*

¹⁸ *Ibid.*

“уровнем предположений”. Именно “предположения” формируют “господствующие традиции” в социальной мысли. Под предположениями понимаются «наиболее общие посылки всякого социолога — то, что он “предполагает” при встрече с реальностью»¹⁹.

Первым предположением является предположение относительно природы действия. Здесь речь идет в первую очередь о том, рационально действие или нет. Определение рациональности или нерациональности действия зависит от выбора внешнего или внутреннего момента (референции) в качестве основного для действия. С точки зрения “рационалистических” подходов действие определяется извне, “нерационалистических” — изнутри.

Второе предположение Александер называет “проблемой порядка”. Все социологи признают наличие структур, отделенных от индивидов, но резко расходятся в понимании того, как возникает социальный порядок. Можно выделить “индивидуалистские” и “коллективистские” подходы в понимании проблемы порядка. “Коллективистские” подходы рассматривают социальные образцы как предшествующие всякому индивидуальному действию, как продукт истории.

“Индивидуалистские” подходы, даже если они признают наличие надындивидуальных структур в обществе, считают их результатом межиндивидуальных взаимодействий. Структуры не просто воспроизводятся, но продуцируются в процессе конкретного взаимодействия индивидов. “Индивиды не только обладают известной свободой, но в состоянии изменить основы социального порядка в любой момент исторического времени”²⁰. Согласно коллективистским подходам, индивиды не несут социальный порядок в себе: они принимают его или восстают против него.

Логические перестановки указанных предположений образуют фундаментальные социологические традиции: “Предположения о природе действия и порядка являются рельсами, по которым движется социология”²¹. Выбор предположений определяет теоретические возможности не только в позитивном смысле, но и в плане их ограничений и слабостей. Каждая теоретическая позиция рождает свою собственную дилемму. Если она осознается, то создатель этой позиции или его последователи стремятся внести коррективы, сохранив основные моменты теории. В этих случаях чаще всего вводятся новые категории, которые автор называет “остаточными”, поскольку они остаются все же вне основной линии теории.

¹⁹ Ibid. P. 10.

²⁰ Ibid. P. 11.

²¹ Ibid. P. 15.

Александр предлагает следующий краткий исторический очерк развития социологической теории. “Классический” период социологии — 1850–1920-е гг. Это время К. Маркса, Э. Дюркгейма и М. Вебера. Классические традиции социологии сформировались к концу Первой мировой войны. К классическим теориям наряду с теориями упомянутых мыслителей относятся теории Смита, Зиммеля, Мида, Фрейда и прагматистов. За исключением Мида и прагматистов, все они были европейцами. К концу 1930-х гг. ситуация в социологии была следующей. “С одной стороны, были теоретические традиции без нации, с другой стороны... была нация без теории. Этот парадокс послужил основой для появления Толкотта Парсонса, который определил рамки современной дискуссии”²². Фактически Александр предлагает свою версию теоретической социологии и структуры социологической теории. Существует множество социологических теорий, которые являются продуктом социологического воображения, говоря в терминах Ч.Р. Миллза, и определяются внутренними традициями социологического мышления и корректируются социальной и исторической реальностью.

Каждая социологическая теория имеет структуру, базовое основание которой образуют предположения относительно природы действия и природы порядка. С этой схемой можно в целом согласиться, но только как с частичной. Она не полна, как мы пытались показать в этой статье.

Полная схема структуры социологической теории с опорой на анализ ключевых моментов историко-социологического развития будет выглядеть следующим образом.

Теоретическая и эмпирическая социология составляет две базовые и относительно самостоятельные линии развития социологического знания. Социологическая теория автономна, ее корректирующим горизонтом выступает процесс исторического развития и история в целом.

Теоретическая социология основывается на двух исторически сформировавшихся проектах социологического знания: позитивистском проекте и проекте понимающей социологии, каждый из которых предполагает свою интерпретацию природы социальной реальности и свою теорию метода. Формирование этих проектов, как об этом свидетельствует историко-социологический анализ, осуществляется средствами философии и, с одной стороны, составляет базовые послышки теоретической социологии, а с другой — оформляет две главные традиции развития, теоретической социологии: “методологического холизма” (все структурные, функционалист-

²² Ibid. P.21.

ские и системные подходы) и “методологического индивидуализма” (соответственно герменевтические, конструктивистские и психологические подходы).

Теоретическая социология состоит из множества социологических теорий, оформляющихся в рамках одного из двух проектов социологии, представляющих различные взгляды на общества и конкурирующих между собой. И это “нормальное” (и не только в том смысле, который вкладывал в это определение Т. Кун) функционирование теоретической социологии. Основанием каждой из этих теорий являются “доменные предпосылки”, состоящие из соответствующих интерпретаций общества, его организации, порядка и базовых процессов. Доменные предпосылки имеют специфический характер, связанный с социальными чувствами, позициями, моральными и политическими предпочтениями социолога. Именно различие доменных предпосылок определяет существование множества конкурирующих социологических теорий.

Такая структура социологической теории воспроизводится на протяжении всей теории социологии от ее начала до современности. Более того, современная теоретическая социология с неизбежностью ее базовых посылок и одновременным бесконечным экспериментированием с доменными посылками, начиная с “критики социологической ортодоксии” и заканчивая современными неструктуралистскими, конструктивистскими, психологическими, культурсоциологическими и другими подходами, лишь подтверждает и указывает на фундаментальную специфику теоретической социологии и структуру социологической теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990 (*Weber M.* Izbrannye proizvedeniya. M., 1990).

Добреньков В.И., Полякова Н.Л. Методология анализа историко-социологического процесса. Критерии его периодизации // Вестн. Моск. ун-та. 2011. № 1. С. 24–50 (*Dobren'kov V.I., Polyakova N.L.* Metodologiya analiza istoriko-sociologicheskogo processa. Kriterii ego periodizacii // Vestn. Mosk. un-ta. 2011. N 1. S. 24–50.).

Гоулднер О. Наступающий кризис западной социологии. СПб., 2003 (*Gouldner A.* Nastupajushhij krizis zapadnoj sociologii. SPb., 2003).

Зиммель Г. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. М., 1996 (*Zimmel' G.* Izbrannoe. T. 2. Sozercanie zhizni. M., 1996.).

Кимелев Ю.А. Методология социальных наук: современные дискуссии. М., 2011 (*Kimelev Ju.A.* Metodologija social'nyh nauk: sovremennye diskussii. M., 2011).

Кимелев Ю.А. Философия социальных наук на рубеже XX–XXI вв. М., 2013 (*Kimelev Ju.A.* Filosofija social'nyh nauk na rubezhe XX–XXI vv. M., 2013).

Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Философия социальных наук // Вестн. Моск. ун-та. 2014. № 4. С. 20–46 (*Kimelev Ju.A., Poljakova N.L.* Filosofija social'nyh nauk // Vestn. Mosk. un-ta. 2014. N 4. S. 20–46).

Полякова Н.Л. Методологическая саморефлексия социологии в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. Спор о позитивизме // Вестн. Моск. ун-та. 2012. № 4. С. 24–52 (*Poljakova N.L.* Metodologicheskaja samoreflsija sociologii v konce 60-h — nachale 70-h gg. XX v. Spor o pozitivizme // Vestn. Mosk. un-ta. 2012. N 4. S. 24–52).

Полякова Н.Л. Методологические основания построения теории общества в социологии конца XX — начала XXI в.: отход от “социологической ортодоксии” // Вестн. Моск. ун-та. 2011. № 4. С. 76–93 (*Poljakova N.L.* Metodologicheskie osnovanija postroenija teorii obshhestva v sociologii konca XX — nachala XXI v.: othod ot “sociologicheskoi ortodoksii” // Vestn. Mosk. un-ta. 2011. N 4. S. 76–93).

Alexander J. The centrality of the classics // *Social Theory Today*. 1987. N 1. P. 10–27.

Alexander J. Sociological theory since 1945. L., 1987.

Braybrooke D. Philosophy of social science. Prentice-Hall, 1991.

Berger P., Keller H. Sociology reinterpreted. An essay on method and vocation, N.Y., 1981.

Hollis M. Philosophy of social science // *The Blackwell Companion to Philosophy*. Oxford, 2003. P. 375–402.

Merton R. Structural analysis in sociology // *Approaches to the Study of Social Structure*. N.Y., 1976. P. 21–52.

Mikl-Horke G. Historischer Kontext und soziologische Theorie. München; Wien, 1989.